

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director

TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 20 de mayo de 1969

Буэнос Айрес, вторник 20 мая 1969 года

№ 1004

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

371. ПЕРВОМАЙ БЕЗ ПАРАДА. — НЕУДАЧНАЯ СЕССИЯ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ. — РАССКАЗ “ЧУДАКИ” в “МОЛОДОЙ ГВАРДИИ” И РОБКИЕ ПОПЫТКИ ПОНЯТЬ РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАРОДА в “НОВОМ МИРЕ”. — ОСВЯЩЕНИЕ ПАТРИАРШЕГО СОБОРА в БУЭНОС АЙРЕСЕ. — ЗАКОНЧИВАЮЩАЯСЯ СКАНДАЛОМ ГАСТРОЛЬ в МОСКВЕ БОЛГАРСКОГО БАСА БОРИСА ХРИСТОВА. — СМЕРТЬ БЕСПАРТИЙНОГО УЧЕНОГО Б. С. СТЕЧКИНА, СТАРОЙ ПОДПОЛЫЩИЦЫ А. В. АРТЮХИНОЙ, БЕЗБОЖНИКА Г. П. ФРАНЦОВА. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНЫ Д. С. КОРОТЧЕНКО и ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. А. ПЕНЬКОВСКОГО

За последние дни самым неожиданным и необъяснимым событием явилось опубликованное в “Правде” 26 апреля на 1-й странице в конце, а не в начале, как публикуются важные принципиальные решения, сообщение: “ЦК КПСС и совет министров СССР признали целесообразным впредь, начиная с текущего года, парады советских войск проводить только 7-го ноября в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции”. Так в стыдливо-конфузной форме отменен 26-го апреля, меньше, чем за неделю, Первомайский военный парад, установленный Лениным в 1918 году.

Тщетно искал я каких либо пояснений этому странному решению, отменяющему одну из самых старых ленинских традиций. 51 год тому назад в Москве и всех провинциальных городах советской страны маршировали перед убогими насмешливыми трибунами первые плохо вымученные и пестро обмундированные части красноармейцев с добровольно пошедшими к ним на службу военюрами, как тогда называли бывших офицеров Императорской Армии, перешедших на службу к красным под контроль политруков и комиссаров. Со следующего года маршировали лучше обученные части под командой насильно мобилизованных офицеров. Потом были восстановлены воинские звания, вместо шлемов с красной звездой ввели для офицеров фуражки с козырьками, во время Второй Мировой войны снова появились погоны и советские певички воспевали офицеров: “На нем погоны золотые и яркий орден

на груди”. Милитаризм советского типа все возрастал. Давно уже нет в СССР “солдатских депутатов”, а членами и кандидатами ЦК и депутатами Верховного Совета, как СССР так и Союзных республик, могут быть лишь маршалы и генералы. Даже полковника действительной службы туда не пустят, не то что рядового красноармейца. Иностраные военные атташе любят походить на прохаживающиеся перед трибунами воинские части и изучают издали новые виды оружия: всякие ракеты, танки-амфибии, снаряды междуконтинентальной артиллерии, которые проносятся по Красной Площади.

Поэтому отмена без всяких объяснений военного парада ставит в тупик. Я честно признаюсь перед читателями, что мне это постановление, заранее пропагандой не подготовленное, пока просто непонятно. Кое-кто говорит, что этим маскируется милитаризм, проявившийся в военной оккупации Чехословакии. Но это мало правдоподобно: лучше было бы объявить, что одна из многих дивизий возвращается из Чехословакии домой (что не мешало бы под шумок заменить ее двумя дивизиями), чем нарушать ленинскую традицию теперь, когда советская пропаганда обожествляет Ленина в связи с исполняющимся в 1970 году столетия его рождения.

Без военного парада прохождение колонн всяких рабочих, служащих, учащихся, спортсменов с 57-ю лозунгами вместо прежней сотни, без отдельных “братских” или “горячих” приветов каждому сателлиту или союзнику из афроазиатского мира прошло уныло и неинтересно. Потом на главных площадях всех советских городов устраивали выступления артистов и общенародные пляски с дешевым буфетом, но все это не имело того импонирующего вида и показало бледным по сравнению с прежними “первомайми”.

С 23 по 26-е апреля в Москве состоялась 23-ья сессия Совета Экономической Взаимопомощи, в которой с СССР приняли участие все европейские сателлиты и Монголия, представленные главами партий, правительств и экономических ведущих бюрократов: Так от СССР были Брежнев, Косыгин, член политбюро и секретарь ЦК Кириленко, секретарь ЦК по компартиям стран-сателлитов Катушев, председатель Госплана Байбаков, зам. председателя совета министров Кирилин и Лесечко и завед. отделом ЦК член ЦК К. В. Русаков. На сессии СССР стремился еще крепче закрутить экономическую петлю на шеях сателлитов, подчинить их хозяйство советским интересам, Чехословакия хлопотала о займе и смягчении режима оккупации. Румыния твердо отказывалась от участия в бойкоте Китая и Запада, с которыми развивает торговлю. Заседания были окружены обычной тайной. В заключительном сообщении, после громких слов об экономическом единстве участников Пакта, решили “согласовать планы народного хозяйства”, что дела-

В ряду задач, которые станут перед русским государственным строительством после падения большевизма, будет стоять задача переработки русского права для очистки его от влияния римского права и тех католических и схоластических элементов, которые проникли к нам вместе с французским правовым сознанием. Нужно будет отойти от принципов Кодекса Юстиниана и вернуться к принципам Ярославовой “Русской Правды”. К принципам службы и тягла Московской Руси. Нужно ликвидировать раздвоение в правовом сознании русского народа и создать систему правовых установок и норм, соответствующую и характеру, и истории русского народа.
Иван СОЛОНЕВИЧ

ПОЧТОГРАММА

Сергею Викторовичу ПРОТОВУ.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Великая Княгиня, Я и Великая Княжна благодарим Вашу жену, Вас и вернопреданных народных монархистов за поздравление по случаю Светлого Праздника.

Шлем сердечные пожелания радостных пасхальных дней.

В Л А Д И М И Р

25 апреля 1969 г. Мадрид.

ли и до сих пор, при чем СССР ни с кем своих планов не согласовывает, требуя этого от своих васаллов. Единственным практическим результатом состоявшейся сессии явилось решение учредить “Международный Банк экономического сотрудничества” членом этого СЭВ, в котором хозяйничать будет Госбанк СССР; так и неизвестно удалось ли Гусаку с Черником выпросить кредит для спасения Чехословакии от экономической разрухи и получить поддержку своей расшатанной за полгода оккупации промышленности, которая процветала не только в довоенные годы, но даже в пору германской оккупации. Все же остается впечатление, что Румыния не капитулировала и сохраняет еще свободу развития торговых связей с Западом.

В мартовском номере “Молодой Гвардии” помещен небольшой рассказ Вячеслава Марченко “Чудаки”, в котором племянник-комсомолец рассказывает, как бабушка его угостила водкой и уговорила отнести свою внучку окрестить. Получив поллитра водки от бабушки комсомолец отнес племянницу. Крещение длилось три минуты, его записали крестным. Потом он говорил бабушке, что его нельзя считать крестным, ибо он, как и его сестра — мать девочки сами некрещенные. Бабушка его письмом просила самого окреститься, чтоб крещение внучки было действительно. Это письмо у него выкрали из тумбочки в общежитии и отнесли в комитет комсомола: из комсомола его исключили.

“Новый мир” цензура продолжает задерживать и выпускает с двухмесячным опозданием. Так январский номер 1969 года сдан в цензуру 20 ноября 1968 г., но “подписан к печати”, т. е. прошел цензуру лишь 26-го февраля 1969 года. Только злобой цenzоров на “либеральный” журнал можно это объяснить. Там напечатан прекрасный рассказ Ефима Дороша “Иван Федосеевич уходит на пенсию”. В нем уходящий на пенсию старик — председатель колхоза объясняет религиозность крестьянок тем, что женщины старые и пожилые, осиротевшие матери и рано овдовевшие вдовы, на час-другой, отвлекшись от будничных забот и семейных дряг “находят душевный покой... в Божьем храме все торжественно и тихо, на паперти стоит узкий стол, за который присаживаются пожевать хлеб (несомненно просфору) после обедни, там лежат смятые попаривающие младенцем простыни (конечно, после крестин)... самый храм убран вышитыми полотенцами, кружевными подзорами на одних иконах и бумажными розами на других, лентами, свисающими с лампад”... Дорош умоляется тем, как после обедни “церковь пустеет. Только в трапезной чуть сгорблен-

ный в своей жесткой ризе старый поп совершает обряд крещения и, дожидаясь своей очереди, теснятся вокруг купели старухи с орущими детьми”. Вспомнив слова Карла Маркса, что религия дает людям иллюзию счастья, Дорош пишет, что в наши дни, после полувека советского режима “болезнь, семейные неурядицы, одиночество, бытовое неустройство гнетут и вызывают потребность облегченно вздохнуть, утешиться иллюзией счастья”. Рассказ Дороша содержит резкую критику созданного сейчас положения в деревне.

В том же номере прекрасно рисует стелечную жизнь скромных слоев населения очерк 48-летней Варвары Александровны Борнычевой “День страхового агента”. Автор много лет работает страховым агентом и описывает, как бежит целый день, собирая страховые взносы: с утра по заводам, когда выдают зарплату, чтобы тут же около кассы получить сразу взносы от рабочих и служащих больших заводов, затем идет в две больницы: пункт скорой помощи и детскую больницу, где собирает взносы с медицинского персонала, который знает непрочность здоровья и благополучия и поэтому всегда боится свою жизнь и работоспособность, начиная от главного врача и кончая санитарками, уборщицами и шоферами машин Скорой помощи, которые быстро катят целый день по вызовам. Недаром про эти автомобили скорой помощи в СССР говорят: “сама давит, сама мнет, сама помощь подает”. Потом посещает ткацкую фабрику, где ворчат при уплате взносов старые ткачихи, но весело шутят с автором молодые красноречивые работницы швейно-галантерейного цеха. Борнычева заходит в Госстрах отчитаться в бухгалтерии и перед инспектором и сдать собранные взносы в кассу. Оттуда идет в стелечный трест с важными бюрократами и скромными служащими и наконец обходит ряд домов, где собирает свои взносы и агитирует за подписку среди домашних хозяек, а в более обеспеченных семьях и среди домработниц. По дороге она заходит в “блинную”, где закусьивает вкусными горячими блинами: блинница гонит вон трех мужчин, которые зашли, чтоб распить принесенную бутылку водки и “выражаются так, что ни в одном словаре не найдешь”. Бедная блинница жалует Борнычевой: “говорят — гнать пьяниц, а их разве не жалко. Просто хочется уйти с этой работы: и нервотрепка и сквозняк — простужаешься. Сменщица моя все боится и работаю подряд две смены! Дома муж ругается, грозит развестись — у тебя, верно, там роман”. Так рисует нам эти разные круги Москвы интересный и живой рассказ впервые выступающей в печати работницы Гос-

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Людмила Келер

“ТЕМА СВОБОДЫ У А. СОЛЖЕНИЦЫНА”

страха. Очень интересен очерк скончавшегося в 1952 г. академика С. Б. Веселовского "Род и предки Пушкина в истории", переданный редакции сыновьями и дочерью академика.

Мартовский номер "Журнала Московской Патриархии" помещает длинное сообщение кандидата богословия прот. Е. Парфенюка об освящении в Буэнос-Айресе в присутствии посла в Аргентине Ю. И. Вольского и других сотрудников посольства СССР 10 ноября 1968 г. кафедрального собора, заложенного 12-го мая и построенного в рекордно краткий срок "стахановскими методами". Восхваляется архиепископ Никодим и его три протоперея Парфенюк, Герасимчук и Римский-Корсаков, обвиняются "раскольнические группировки", которые захватили все храмы в Аргентине (напомню, что в прошлом ЖМП уверял, что в Буэнос-Айресе вообще нет православных русских церквей), перечисляются иностранные гости; отдельно приведен весь текст проповеди архиепископа Никодима на испанском языке, а в сообщении приведен его привет "досточтимым представителям нашей родины в лице посла Юрия Ивановича Вольского, затем дорогим гостям, засвидетельствовавшим действительность экуменического служения в мире". Упомянув, что накануне освящения собора патриарху исполнился 91 год, Никодим "испрашивает" у Всевышнего "плодотворного столетия на благо Матери-Церкви".

Весь номер носит более политический, чем церковный, характер: приведены тексты приветствия "четырёхстороннему совещанию по решению вьетнамской проблемы" в Париже с рекомендацией США "предоставить Вьетнаму самому решить свою судьбу и умолчанием об участии северовьетнамских войск в военных действиях в Южном Вьетнаме, протест против выборов германского президента в Берлине и дерзкая телеграмма У. Тану о том, что движение "Эль Фатах" является "широким движением сопротивления арабов против Израиля", а потому Израиль должен уступить ему оккупированные части территории.

Большая статья посвящена Кипру и борьбе против сохранения баз НАТО на территории этого острова. Любопытно отметить, что на съезде просоветских "христиан-демократов" в Эрфурте владыка Владимир Котляров в ярко политической речи жаловался: "противоречия капиталистического мира все еще несут людям скорбь и слезы — во Вьетнаме льется невинная кровь мирного населения, наши арабские братья на Ближнем Востоке изгнаны из своих домов, Греция — родина демократии — задыхается от насилия, в соседней с нами братской стране Чехословакии брошены семена раскола". Такую речь произнес не пропагандист ЦК КПСС, даже не советский дипломат, а молодой и видный московский иерарх, призвавший народ Восточной Германии поддерживать опирающееся на советские штаны и танки правительство Ульбрихта, правящего по сталинско-советскому образцу.

Большим скандалом закончилась гастроль в Московском Большом Театре знаменитого болгарского баса Бориса Христова. Это болгарский политический эмигрант, живущий много лет в Италии, где принял подданство и является прихожанином православного прихода Архиепископского Синода. Его трижды приглашали в СССР и он наконец в апреле с. г. согласился поехать на три гастроль в Большой Театр. 23 апреля он прилетел в Москву и на другой день явился в Большой Театр, где прорепетировал роль царя Бориса с дирижером оркестра Преображенским. Вся труппа собралась в театре и оказала ему восторженный прием. На другой день, 25-го, должна была иметь место генеральная репетиция в костюмах и под оркестр. Режиссер Туманов сказал, что репетиции в костюмах не стоит делать, достаточно гастролеру самому примерить в костюмерной одеяния царя Бориса. Но Христов настоял на генеральной репетиции с оркестром, которая была назначена на понедельник 28-го апреля. Однако на этой репетиции не было дирижера, который, по словам Туманова, тяжело заболел и будет заменен другим дирижером. На ужине в итальянском посольстве в честь гостя директор театра Чулаки обещал на завтра утром генеральную репетицию с новым дирижером, но утром Христову позволили, что оперу решили заменить "Князем Игорем". Но по-

том днем ему протелефонировали, что вечером он должен без всякой репетиции выступить в "Борисе Годунове", а если не согласен, то его заменят советским басом. Христов был очень возмущен этой бесцеремонностью и тем, что в афишах его представили, как "артиста Болгарской Народной Республики". Он резко ответил, что не был никогда ее гражданином, а поэтому его могли либо назвать уроженцем Болгарии или по паспорту итальянцем. Он заявил, что выступать с незнакомым дирижером без всякой репетиции было бы недоброосветно, а замена его советским артистом является обманом советских зрителей, которые взяли билеты, чтоб послушать его. Обвинив советчиков в тройном обмане: представили его, как болгарского гражданина, обещали ему репетицию, которой не было, в последний момент заменили его другим исполнителем, Борис Христов вылетел в Италию, где собрал прессконференцию, в которой рассказал местным и иностранным журналистам свои злоключения, заявив, что ложь и хамство в отношении артистов — предостережение всем, кого будут униженно зазывать в СССР для гастролей.

За апрель с. г. умерли крупные фигуры с разнообразным прошлым. Так 2-го апреля скоропостижно скончался 78-летний известный ученый, основоположник теории авиационных ракетных двигателей, лауреат Ленинской и Сталинской премий Борис Сергеевич Стечкин, ученик знаменитого Н. Е. Жуковского и организатор Центрального Аэрогидродинамического Института, получившего имя его учителя. Этот беспартийный ученый еще в 1929 г. опубликовал свою "Теорию воздушно-реактивных двигателей" и создал целую школу конструкторов авиации, напечатал ряд замечательных трудов в области теплотехники, гидродинамики и механики. Его некролог подписали наряду с министрами Деметриевым, Елютиным, Жегалыным, Непорожним, 36 видных конструкторов, как А. Н. Туполев, С. В. Ильющин, А. Г. Микоян. Советский некролог умалчивает о том, что он долго находился в описанном Солженицыным "Первом круге", где о нем на стр. 61-й заключенные так вспоминают:

"Это вот как бывало, в тридцать девятом-сороковом году Бориса Петровича Стечкина (здесь неточность — отчество Стечкина Сергеевич) с шарашки вызовет Берия — уж он с пустыми руками не вернется: или начальника тюрьмы сменят или прогулки увеличат... Стечкин терпеть не мог этой системы подкупа, этих категорий питания, когда академиком дают сметану и яйца, профессорам — 40 грамм масла, а простым лошадам по 20... Хорош человек был Борис Петрович, царство ему небесное... Умер? — Нет, освободился... Лауреатом стал".

Пошли Господь этому ученому, который не боялся требовать улучшения режима и питания у грозного Берии не только себе, но и скромным труженикам-лошадкам, Царство Небесное.

7-го апреля умерла на 80-м году старая подпольщица, коммунистка с 1910 г. А. В. Артюхина, 19-ти лет была членом правления легального профсоюза текстильщиков и через два года арестована, как член его центрального бюро (ноябрь 1910 г., вскоре по вступлении в партию). После трех лет ссылки вернулась в Петербург и работала на заводе "Айваз", ведя подпольный кружок совместно с М. И. Калининим. В 1915 г. снова арестована за организацию забастовки металлистов и выслана на родину в Вышний Волочок. С 1919 г. работала комиссаром на разных фронтах, затем в Тверском Губкоме. С 1924 г. возглавляет женский отдел ЦК вместо "зюновьевки" Клавдии Николаевой, в 1926-27 гг. член Оргбюро и кандидат в члены Секретариата; Сталин с 1934 г. переводит ее на работу в Центральную Контрольную Комиссию для расправы с оппозицией среди коммунистов. Затем председатель Союза Текстильщиков и с 1951 г. на пенсии. Ее некролог подписали члены политбюро, секретари ЦК и ряд старых большевиков.

В тот же день умер 75-летний председатель Верховного Совета Украины Д. С. Коротченко, член партии и партизан с 1918 г., затем политрук на фронте в гражданскую войну; потом возглавлял парторганизацию военного завода в Шостке, с 1924 г. секретарь разных Окружкомов партии на Украине. В 1928-30 гг. прошел курс марксизма-ленинизма в

ПРИЗЫВ К ОСТОРОЖНОСТИ

Мы перепечатаем из "Нового Русского Слова" письмо в редакцию этой газеты, посланное ее редактору М. Е. Вейнбауму нашим постоянным сотрудником, известным русским политическим и общественным деятелем С. Л. Войцеховским, и опубликованное названной газетой 3 мая с. г.

Многоуважаемый Марк Ефимович!

В последние годы из Советского Союза льется за границу в редакции русских и не только русских журналов и газет, поток литературных произведений и политических документов, свидетельствующих о существовании в России некоторой, довольно распространенной и разнообразной оппозиции коммунистическому режиму.

В самом факте появления за границей "документов из СССР" ничего нового нет. Оно началось давно и продолжалось непрерывно, не исключая самых страшных лет красного террора и ежовщины. Можно было бы привести много примеров. Сошлюсь, краткости ради, на два.

В двадцатых годах боевая антикоммунистическая организация, возглавленная в Париже генералом А. П. Кутеповым, получила из Москвы статьи и очерки, написанные там для русской эмигрантской печати. Их источником было то московское Монархическое Объединение России, более известное под его конспиративным обозначением, как Трест. В 1927 году оказалось, что все его возглавители были советскими агентами или чекистами. Однако, приславшиеся ими в Париж для опубликования документы, сами по себе, провокацией не были. Они были той дымовой завесой, которую Трест прикрывал свою основную задачу — противодействие террористическим актам, бывшим целью Кутеповской организации. Присланное Трестом

Москве и 7 лет затем работал в Московских Райкомах и Обкоме. В начале ежовщины возглавил Обком в Смоленске, но после самоубийства Любченко сменил его на посту председателя Украинского Совнаркома. С 1939 г. второй секретарь ЦК в Киеве и правая рука Хрущева. С 1949 до 1954 г. председатель совета министров Украины, затем по день смерти председатель президиума Верховного Совета Украины. В Киеве его хоронили с большой помпой, хотя последние годы он по дряхлости никакой роли уже не играл.

18-го апреля умер после тяжелой болезни на 66 году жизни гнусный безбожник, кандидат ЦК, зам. директора Института Марксизма-Ленинизма при ЦК Г. П. Францов. Он родился в Москве, окончил Ленинградский университет, после чего всю жизнь вел безбожную работу, организовал музей атеизма при Академии Наук СССР в Ленинграде и в годы войны работал в Ленинградском Горкоме партии, затем был директором Института Внешних Сношений (1946-1953) и ректором Академии Общественных Наук при ЦК (1953-58), затем в "Правде" руководил отделом внешней политики и редактировал журнал "Проблемы мира и социализма". Некролог подписали Брежнев и 25 видных партийцев.

26 апреля на 66-ом году жизни после тяжелой болезни умер кандидат в члены ЦК и "видный военачальник" генерал армии Валентин Антонович Пеньковский, родной дядя расстрелянного несколько лет назад полковника Олега Владимировича Пеньковского. На карьере дяди судьба племянника не отразилась. Генерал родился в 1904 году и с 16 лет был добровольцем Красной Армии; став офицером, он в 1926 г. поступил в партию и через год окончил военную школу имени ЦИК Белоруссии. В годы Второй Мировой войны был нач. штаба Противовоздушной обороны Юго-Западного фронта, командиром дивизии, нач. штаба армии; после войны был зам. начальника, а потом начальником Военных округов. Командовал Дальневосточным округом в 1955-59 гг., затем был заместителем министра обороны с 1964 г., Генерал Армии с 1961 г. и кандидат в члены ЦК с 1961 г., переизбран в 1967 г.

Сообщение о его смерти дано на первой странице всех органов печати, но почему-то с опозданием (лишь 29-го апреля) от имени ЦК, президиума Верховного Совета СССР и совета министров.

Алексей Ростов

в апреле 1927 года сообщение о причинах ареста митрополита Сергия было напечатано парижским журналом "Борьба за Россию" тогда, когда его чекистский источник уже был разоблачен. Содержание сообщения было верным и подтвердилось дальнейшими событиями.

Значительно позже, существующий до сих пор в Европе русский военный журнал напечатал несколько "Писем красного командира", не вызвавших доверия русской эмиграции. Другие письма, утверждающие наличие национальных, антикоммунистических настроений в советской армии и даже существование организованных групп, прислушивающихся к голосу этого журнала, появляются с тех пор в нем непрерывно. Недавно было опубликовано такое же, короткое письмо из Чехословакии.

Все эти, упомянутые мною документы были либо анонимны, либо подписаны псевдонимами. Главная разница между ними и тем, что русская зарубежная печать получает теперь из России, состоит не только в том, что современные "документы из СССР" подписаны полными и легко поддающимися проверке именами, но и в том, что авторы некоторых из этих документов пострадали за свои мнения и протесты и не могут быть заподозрены в провокации. Сивяевский, Даниэль, Гинсбург, Галансков и многие другие приговорены советскими судами к заключению. Солженицын подвергается непрерывной травле. Поэтому, внимания и распространения заслуживает не "доброкачественность" присылаемых за границу материалов, а источник их посылки и побуждения этого источника.

Если можно, в виде гипотезы, предположить, что некоторые протесты или повести были посланы за границу авторами, то это предположение становится менее вероятным, когда заграничные редакции получают, например, стенографические отчеты закрытых судебных заседаний или стенографические записки официальных совещаний, вроде беседы чекистов и руководителей советской атеистической пропаганды с А. Э. Левитным.

Некоторый свет на возможный источник так легко преодолевающего советскую цензуру потока бросает заявление того же А. Э. Левитина (Краснова) о том, что его статьи "посылаются за границу тем же читателями, которые их носят в КГБ", или утверждение А. И. Солженицына о том, что текст некоторых его произведений был послан за границу, вопреки его собственному желанию, тем же КГБ. Следует обратить внимание и на то, что, когда Москве понадобилось дискредитировать воспоминания С. Аллилуевой, не только другой, препарированный чекистами текст этих воспоминаний, но и фотографии из семейного альбома Сталина были предложены западногерманским издательским фирмам прилетевшим из Москвы советским агентом Виктором Луи.

Не так труден и ответ на вопрос, что заставляет коммунистическую власть не только допускать, но, в некоторых случаях даже содействовать проникновению оппозиционных документов и литературных произведений из России на Запад. В течение всего пятидесятилетнего существования этой власти она стремилась к созданию в свободном мире и в русской эмиграции предположения, что советские угрожают опасность освобождения переворота, совершенного организованной силой, сложившейся в самой стране.

"Не мешайте нам вашим вмешательством, мы сами справимся с большевиками", говорили А. П. Кутепову возглавители Монархического Объединения России, ставшие советскими агентами бывшие генералы Потапов и Зайончковский.

"Советская армия становится русской армией", обнадеживали эмигрантов "красный командир" и авторы других, аналогичных писем.

За этим пропагандным занавесом, Советский Союз уничтожает действительное сопротивление, преодолевает неизбежные кризисы своей партийной диктатуры и экономики, вооружается, тратит народные средства на поддержку революционных движений в Европе, Азии, Африке и Америке и продолжает считать мировую революцию своей конечной целью. Не имея возможности скрыть очевидной кризис, вызванный сменой поколений и психологическими последствиями последней войны, Москва, за пределами Советского Союза, не только этот кризис не замалчивает, но и стремится к

Людмила Келер

Тема свободы у А. Солженицына

Красной нитью через все творчество Александра Солженицына проходит ощущение свободы. И не столько, и не только политической, как духовной. Почти в каждом из его произведений можно найти носителей этой свободы, начиная с того безымянного эпизодического старика под номером Ю-81 в «Одном дне Ивана Денисовича», про которого сказано «что спина его отличалась прямизной». Об этом старике говорили Ивану Денисовичу, что он «по лагерям, да по тюрьмам сидит не считая и ни одна амнистия его не прикоснулась, а как одна десятка кончалась, так ему сразу новую совали». Что больше всего напоминает в нем (помимо несгибающейся спины)? Предоставим опять слово Ивану Денисовичу: «А засело-таки в нем, не примирится: трехсотграммовку свою не ложит, как все, на нечистый стол в роспесках, а — на тряпочку стираную». И вот, намеченный столь беглыми штрихами, встает старик как живой: неподдающийся, несломленный... Много таких искателей свободы духа и в «Круге первом». Но может быть самым пронзающим и символическим образом в этом ряду является тот незамысловатый дворовый песик, Шарик, о котором говорится в одной из «миниатюр». Едва ли десять строчек сказано о нем и не отягчительно прочесть их лишней раз:

«Во дворе у нас один мальчик держит песика Шарика на цепи — кутенком его посадили с детства. Понес я ему однажды курные кости, еще теплые, пахучие, а тут как раз спустил мальчик беднягу побегать по двору. Снег на дворе пушистый, обильный. Шарик мечется прыжками, как заяц, то на задние ноги, то на передние, из угла в угол двора, из угла в угол, и морда в снегу. Подбежав ко мне, лохматый, меня прыгал, кости понохал — и прочь опять, брюхом по снегу! Не надо мне, мол, ваших костей — дайте только свободу!». И пожалуй не обидно будет сказать, что вот, может быть, этот Шарик и есть прообраз нашего народа, который тоже не улучшения бытовых условий добивается, а свободы и тоже, может быть, не столько политической, сколько духовной.

Кто из нас за эти долгие годы «басурманского ига» на нашей родине не холодел при мысли — а может быть там все уже кончено, дух убит. Потому что по слову Господню «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь боде того, кто может и душу и тело погубить в геене». И как тут не вспомнить все эти «турецкие» ужасы Ивана Карамазова! Ведь они-то именно принадлежали к категории только «убивающих тело». Нет, наше время страшнее и беспощаднее и за души убиваемые (дети, которых нельзя крестить, молодежь, которой нельзя рассказывать о Боге, предательство друзей вымогательством чекистов и т.п.) гораздо страшнее, чем за судьбу просто замученных.

И вот — о свободе, не этой «примитивной» политической свободе, отсутствие которой можно пережить, а о той, главной... О ней уже давно говорил наш Пушкин в стихотворении «Недорого ценю я громкие права...». Это та свобода, от отсутствия которой, как от отсутствия воздуха, задохся Блок, доверчиво призывавший слушать «музыку революции». И там об этой свободе знают, может быть даже лучше, чем здесь, помнят о ней ежечасно, потому что ежечасно испытывают гнет ее отсутствия, который никому не дает дышать полной грудью, несмотря на все эти оптимистические «заказные» излияния в стихах и прозе. В этом и есть что-то от чуда. Ведь народилось целое новое поколение, которое знает о свободе только по наслышке в лучшем случае, а неутолимая жажда ее теплится в этих молодых сердцах с той же стремительной и жадной страстностью.

Первое произведение А. Солженицына, увидевшее свет — «Один день Ивана Денисовича» — эта первая ласточка правдивого и «реалистичного» изображения лагерной действительности, сразу создала эпоху в советской литературе. Когда-нибудь, говоря о 60-х годах нашего века, без сомнения бу-

дут ссылаться на это произведение, как на водораздел. Тот резонанс неповторим. Недаром дельный критик «Нового мира» В. Лакшин одну из своих статей в защиту «Одного дня» озаглавил: «Друзья и враги Ивана Денисовича».

На искусственно придавленной и выхолащенной литературной ниве ярким, незаглушаемым светом засиял сильный и правдивый талант могучего писателя земли русской. Несколько рассказов было напечатано легально в том же, сравнительно отвлеченном, «Новом мире»; остальные, презрев печать, просочились на Запад. И тут Солженицын дебютировал почти одновременно двумя крупными произведениями: «Раковым корпусом» и «В круге первом». Они принесли ему заслуженную мировую славу, а за русской дело не станет. Придет и она.

Что можно сказать в нескольких словах о «Раковом корпусе»? Можно выдвинуть такую формулировку: большинство действующих лиц там физически больные, но духовно здоровые (или выздоравливающие) люди. Некоторые из них именно в больнице и выздоравливают духовно. Тут, как в тюрьме советской, больше возможности жить духовной жизнью, читать, говорить с образованными людьми, узнавать такое, чего на свободе и лучшие друзья не поведают в откровенной беседе. Да болезнен и делает этих людей более чуткими, нравственно чуткими, и многих из них страдания возвышают и очищают. Тут Солженицын (как и во многом другом) перекликается с нашим самым соvestливым из писателей, с Достоевским.

Недавно в «Новом журнале» появился рассказ Солженицына «Правая кисть». Это — из того же цикла, что и «Раковый корпус». Но рассказ этот тяжелый, не только потому что в нем выведен бывший участник отряда «особого назначения» почти уже разрушенной смертью и не «просветленный», а также и потому, что автор (от лица которого ведется рассказ) тоже в очень незавидном положении. Помимо болезни он говорит о себе: «Я был не таким, да, не таким, как окружающие меня больные: я был много бесправнее их, и вынужденно безмолвней их». В дальнейшем оказывается, что ему, собственно, не для кого и выздоравливать. У него ничего не было: ни денег, ни паспорта, была по выздоровлению угроза возвращения в пустыню, куда он был сослан навечно. Но если глубже вчитаться в рассказ, то что-то у автора было, чего не было у многих других, и, в особенности, не было у несчастного «товарища Боброва, Н. К.», единственная справка которого гласила: «Дана сия товарищу Боброву Н. К. в том, что в 1921 году он действительно состоял в славном -овском губернском Отделе Особого Назначения имени Мировой Революции своей рукой много порубил оставшихся гадов». А были у автора: чистая совесть и свобода духа. И это помогло ему выжить.

А «В круге первом»? Тут тоже многие из персонажей и задумываются, и нравственно совершенствуются. «Нет худа без добра»: в теперешних условиях — больницы, и тюрьма несут и другие функции — это, отчасти, высшие учебные заведения, в которых вырабатываются и складываются и кристаллизуются исключительные характеры. Пребывание в тюрьме или лагере — своего рода патент на благородство там. И больница и лагерь — это школа, которая многих в корне перестраивает: входят в нее неоперившимися, желторотыми птенцами, а выходят — стойкими мужами. В круге первом... А сколько этих кругов там, всякий живет в своем и отнюдь не застрахован, что на всю жизнь останется в нем. (Такую страховку даже предприимчивый Lloyds of London едва ли предложит). И так называемая «свободная» жизнь там, и она укладывается в один из кругов. Кто же там надежду благополучен? Можно сказать, никто. Только некоторые это не осознают: дети, молодежь, наиболее наивные. А в остальном и вчерашний всемогущий министр сегодня, может случиться, аккуратно занумерован в книге заключенных, и выскочив чин НКВД переселяем бывает под ту же

крышу с бывшим своим опекаемым, но уже на постоянное жительство. Тут, действительно, равенство может быть единственным реальное равенство строя — равенство перед всепожирающей пастью ачного правосудия. Эта шаткость бытия, эта предельная неустроенность, мастерски передана Солженицыным именно в «В круге первом». И бывшие министры, и высокие чины НКВД (правда, иногда по старой памяти все же на более льготных условиях) уже сидят. Те же, которые в данный момент у власти, волчьей хваткой держатся за нее, чтобы не попасть туда же — благо пример перед глазами. Это как в старом советском анекдоте: «На что теперь похож город X? Да, знаете, на автобус. Как так? Ну да, одни сидят, а остальные — трясутся, в ожидании, что сядут».

Задолго до Солженицына лагерная тема была намечена в нескольких произведениях людей, вырвавшихся оттуда. Самое, может быть, блестящее и жизненно-правдивое изображение периода до Второй Мировой войны — это «Россия в концлагере» И. Солоневича. И у него даже и само название многомысленно и многопланно: вся страна в концлагере. Не входя в сравнение чисто литературных достоинств той и другой книги можно сказать, что публицистический пафос их звучит с равной силой.

Многим из заключенных, выведенным с таким мастерством на сцену А. Солженицыным, живется в тюрьме лучше, чем их близким на свободе. Это мало кто из них осознает. Но все они прекрасно знают, что они находятся в лучшей из возможных тюрем. И вот, некоторые из них сознательно рискуют удалением из этих привилегированных условий, рискуют возвращением в совершенно нечеловеческие условия обычных лагерей. Во имя чего? Во имя высшего из человеческих благ — духовной свободы. Как для Шарика — курные кости на втором плане (несмотря на хроническое недоедание), так и для них на первом плане — свобода. И не важно, существовала ли такая «Маврикийская шарашка» в действительности, не важно, описал ли Солженицын ее фотографически-точно. (Хотя, по-видимому, и шарашка существовала и описание соответствует вполне действительности, потому что автор побывал в ней). Все это могло быть. Это тот «высший реализм», который ставил себе в заслугу Достоевский. Важно другое. Важно, что самое это понятие «свобода» не выветрилось там, не отмерло как еще в конце 20-х годов опасался талантливый Юрий Олеша. (См. его повесть «Зависть»). Повидимому это понятие о свободе и стремление к ней — первично, не может быть вытравлено из человека. А если есть это стремление, будет найден и путь к его осуществлению, претворение в жизнь.

А какие типы выведены на сцену, какие ценные люди, какие, наконец, симпатичные соотечественники! Кто же бы из нас не согласился с радостью жить среди таких (не в тюрьме, конечно) как Глеб Нержин, Руська Доронин, Дмитрий Солонгин, Пряничков, Герасимович, художник Кондрашев-Иванов, дворник Спиридон. Особенно последний, судьба которого вообще незаурядна: побывал он и в Германии, пожил даже в беженских лагерях. Вернулся только по настоянию детей и вот теперь вся семья горе мыкает, раздробленная и со сланная. А для старика — главное и было сохранение семьи. И лапидарное его изречение, суммирующее его мировоззрение: «Володав — прав, а людоед нет», которое так приходится по сердцу Глебу Нержину, является выражением народной мудрости, выразителем которой он и является в сложном контрапункте романа. Нет в Спиридоне озлобления, даже против немцев: видел он и плохих и хороших среди них. Сквозь все страдания и унижения он пронес живую душу. И то же можно сказать почти о всех его «сосидельниках».

И последний вывод: тот, кто выстрадал свободу духа, кто бережно пронес ее через все невзгоды и испытания даже советской тюрьмы, тот свободнее в самом унижительном и мучительном заключении, чем духовные недоросли свободного мира, в слепоте духовной и в крайней степени нигилизма расшатывающие основы старого мира и подрубляющие сук, на котором они сидят.

Людмила Келер

изображению его очередной опасностью существованию коммунистической власти, удерживая этим свободный мир от действительной борьбы с советской опасностью.

Я бы не стал задерживать Вашего внимания на этих соображениях, если бы не один, недавно появившийся новый «документ из СССР», отличающийся от всех прежних тем, что якобы существующая в Советском Союзе группа лиц не только установила связь с эмигрантским журналом, но и дает редакции этого журнала советы, указывает желательное содержание эмигрантского издания и общую цель, правда, не политическую, а религиозную, но от политики неотделимую.

Имею в виду то «Письмо группы верующей советской интеллигенции», которое, впервые, было опубликовано «Новым Русским Словом» 19 января 1969 г. по просьбе председателя Русского Студенческого Христианского Движения, архиепископа Сильвестра.

Вторично, это письмо было напечатано выходящим в Париже «Вестником РСХД» (№ 89-90, март-апрель 1969 г.) и сопровождается ответом вице-председателя Движения, протонерея Александра Шмемана.

М. М. Коряков написал 17 апреля в редактируемой Вами газете, что это письмо из России «может служить программой для всей русской зарубежной печати, руководством для всех нас, в ней работающих».

Включив в разосланное многим русским эмигрантам в Нью Йорке циркулярное обращение выдержки из того же письма, один из деятелей РСХД призвал их к моральной и материальной поддержке «диалога», возникшего между Парижем и Москвой.

Я позволю себе не согласиться с положительным отношением архиепископа Сильвестра и редакции «Вестника РСХД»

к опубликованному ими документу и, тем более, с мнением М. М. Корякова о превращении его в «программу для всей русской зарубежной печати».

Не разделяя некоторых мыслей, высказанных в религиозно-философской части письма, и, в частности, не считая покойного Бердяева одним из «отцов русского религиозного Ренессанса», я вывожу мое отрицательное отношение к письму не из этой разницы мнений. Письмо кажется мне сомнительным по другим соображениям.

Из письма в редакцию, которое архиепископ Сильвестр предпослал тексту, напечатанному «Новым Русским Словом», следует, что полученный в Париже документ был подписан его автором, которые, по словам архиепископа, «вряд ли хотели бы, чтобы их имена появились в печати».

Те же авторы письма сообщили, однако, редакции «Вестника РСХД», что они получают этот журнал и могут «бо-

лее или менее регулярно следить за Вашей жизнью и работой». Они это делают не в одиночном, а в коллективном порядке, как группа, и именно так преподали редакции парижского журнала советы о желательном содержании «Вестника», упрекнув его, в частности, в том, что его идеи «слишком мало связаны с проблемами сегодняшней России» и что «порою создается впечатление, что Вы не верите, что Вам придется жить в завтрашней России». В число задач, которые «Вестник» должен включить в свою программу, авторы письма упомянули рассмотрение «проблемы международного церковного движения, Православия, русской Церкви у себя на Родине и в рассеянии, проблему духовного и идейного сближения исторически раздробленных частей церковного тела».

Любопытно было бы узнать, как редакция «Вестника» и руководители РСХД представляют себе в существующей политической обстановке «сближение исто-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. О. ГУКАСОВ

Нам пишут из Парижа:

После продолжительной болезни, в возрасте 97 лет, здесь скончался известный политический и общественный деятель Абрам Осипович Гукасов.

Покойный был по происхождению армянином, и до революции — крупным нефтепромышленником в России. Благоприятные обстоятельства дали ему возможность сохранить после революции часть своего состояния, находившегося за границей. Он воспользовался этим для продолжавшейся несколько десятилетий значительной и щедрой помощи русским антикоммунистическим начинаниям.

В частности, он способствовал созыву Зарубежного Съезда в Париже и созданию представленного на этом съезде Российского Центрального Объединения.

На его средства в Париже была основана просуществовавшая до 1940 года и возобновленная после войны в виде ежемесячного журнала газета "Возрождение". В последние годы своей жизни он был единственным издателем этого журнала.

Русская эмиграция лишилась с его смертью деятельного антикоммуниста и горячего российского патриота.

Р. СМАЛЬ-СТОЦКИЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

В возрасте 76 лет в Вашингтоне скончался профессор Роман Смаль-Стоцкий, бывший в течение многих лет одним из возглавляемых направленного против русского единства украинского националистического движения.

Покойный был по происхождению буковинцем, получившим высшее образование в Мюнхене. В годы Гражданской войны в России он был советником украинского посольства в Берлине, а после этой войны — членом украинского эмигрантского правительства в Берлине и Лондоне.

В эпоху, предшествовавшую Второй Мировой войне, он был тесно связан

рически раздробленных частей церковного тела", которое, при желании, можно истолковать и как сближение с московской патриархией, но, опять-таки, не это в упомянутом письме показалось мне странным и вызывающим недоверие.

Авторы письма утверждают, что они имеют в Советском Союзе возможность читать "Вестник РСХД", доходящий "самыми различными путями". Архиепископ Сильвестр сообщил, что они подписали свое письмо полными именами, не опасаясь, очевидно, репрессий за это свое прямое и небывалое обращение к эмигрантскому журналу.

Между тем, 21 января "Новое Русское Слово" напечатало статью эмигрировавшего из СССР музыканта и композитора Михаила Гольдштейна. К "группе верующей советской интеллигенции" эта статья никакого отношения не имеет, но, в полемике ее автора с сотрудником советского "Голоса Родины" Павловым, сославшимся на парижскую "Русскую Мысль", заслуживает внимания вопрос Гольдштейна: "А каким образом попала в руки Л. Павлова газета "Русская Мысль"?"

"Ведь она, — напомнил Гольдштейн, — относится к числу запрещенных газет для советского читателя. За ее ввоз на территорию СССР полагается жестокое наказание".

Ссылка автора письма в редакцию "Вестника РСХД" на те "самые различные пути", по которым этот журнал попадает в их руки, вызывает естественные сомнения. Архиепископ Сильвестр, редакция парижского журнала и тот деятель РСХД, который призвал русских эмигрантов к поддержке возникшего контакта, имеют полное право этими сомнениями пренебречь, но, на основании собственного горького опыта — я был участником Кутеповской организации и через мои руки прошли десятки документов, оказавшихся, как организация узнала в 1927 году, орудием советской провокации и обмана, — я считаю осторожностью в данном случае не только уместной, но и прямо необходимой.

Искренне уважающий Вас

С. Л. Войцеховский

с Прометеем — пользовавшимся покровительством Польши объединением сепаратистов-руссофобов.

Будучи по образованию филологом, он преподавал с 1947 года в американских католических высших учебных заведениях славянские языки и историю славян и был председателем украинского Научного Общества им. Тараса Шевченко.

В. А. ПЕНЬКОВСКИЙ

Нам пишут из Мюнхена:

Скончавшийся в Москве в возрасте 64 лет генерал Валентин Антонович Пеньковский был дядей расстрелянного по обвинению в выдаче советских военных и политических тайн Соединенным Штатам и Англии полковника Олега Пеньковского.

В то время как его брат, отец Олега Пеньковского, участвовал в вооруженной борьбе с большевиками и был убит под Ростовом в рядах Добровольческой Армии, В. А. Пеньковский участвовал в Гражданской войне на стороне коммунистов и сделал затем карьеру в советской армии, не прерванную даже судьбой его племянника.

Он скончался в должности заместителя министра обороны СССР, был награжден орденом Ленина и четырьмя орденами Красного знамени, был кандидатом в члены ЦК КПСС и трижды избирался в число членов Верховного Совета СССР.

Во время ареста и суда над Олегом Пеньковским, он оставался командующим войсками Белорусского военного округа.

ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР

Нам пишут из Нью Йорка:

По постановлению Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей для подготовки предстоящего в 1971 году Церковного Собора с участием представителей клира и мирян учреждена предсоборная комиссия в Нью Йорке под председательством архиепископа Никона и подкомиссия в Европе под председательством архиепископа Антония.

В состав комиссии вошли:

от иерархии — архиепископы Серафим Чикагский, Виталий и Аверкий, епископы Лавр и Андрей;

от духовенства — архимандриты Николай и Константин, протопресвитер Георгий Граббе, протонереи Иоанн Легкий, Николай Марцишевский, Петр Мочарский и Серафим Слободской, игумен Алинский, священник Валерий Лукьянов;

от мирян — В. М. Ажогин, проф. И. М. Андреевский, князь Т. К. Багратион-Мухранский, князь С. С. Белосельский-Белозерский, проф. К. Г. Белоусов, С. Н. Боголюбов, С. Л. Войцеховский, В. Г. Дорошенко, князь Д. В. Мышецкий, С. Н. Ряснянский и С. Я. Семененко.

● ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

В статье напечатанной в 5-ом номере журнала "Коммунист" начальник политуправления советской армии генерал Епишев прямо заявил о необходимости подготовки к войне. По словам Епишева, Советский Союз должен готовиться к Третьей Мировой войне, и какие бы беды она ни принесла народам мира, эта война закончится победой сил социализма. Вслед за Мао Тзе-тунгом Епишев заявляет, что коммунистам война не страшна.

В воскресенье, 8 июня 1969 г. в ознаменование 24-й годовщины

ЛИЕНЦЕВСКОЙ ТРАГЕДИИ

и 25-й годовщины смерти Походного Атамана полк. СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПАВЛОВА в Св. Троицком Соборе после Божественной Литургии состоится

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСЕНАРОДНАЯ ПАНИХИДА

и в тот же день в помещении Центра Русских Белых в 15.30 часов

ТРАУРНОЕ СОБРАНИЕ

при участии русских национальных и аргентинских организаций.

Учредитель — Обще-Казачий Союз в Аргентине.

ЦЕНТР РУССКИХ БЕЛЫХ

В воскресенье 25-го мая с. г. и в воскресенье 1-го июня с. г. будет демонстрироваться документальный исторический фильм

„Император Николай II“

Продолжительность фильма — 1 час.

Начало сеансов в 17 часов.

ДИССОНАНСЫ

Следящие за периодической советской печатью западные наблюдатели не раз отмечали особое политическое звучание ежемесячного журнала "Новый мир", постоянно вносящего некий диссонанс в дружный хор партийно-однотонных органов советской прессы.

Несмотря на тщательную и затяжную цензуру ("Новый мир" — единственный советский журнал, проходящий цензуру м е с я ц а м и) диссонирующие произведения все же продолжают появляться на страницах редактируемого А. Твардовским журнала. К таким "дисгармоничным" материалам принадлежит и помещенный в январском номере "Нового мира" очерк Ефима Дороша "Иван Федосеевич уходит на пенсию". Ефим Дорош, член редакционной коллегии журнала, уже знаком читателям "Нашей Страны", как автор очерка, положительно обрисовавшего облик Св. Сергия Радонежского (См. № 941).

Подсоветские читатели глубоко ценят "несозвучную" линию "Нового мира". Об этом, в частности, свидетельствует полученное из СССР письмо. Автор письма — православный человек — пишет: "Новый мир" — это безусловно самый лучший из наших журналов. Следующие поколения отдадут должное той великой роли, которую сыграл этот журнал для нашей культуры, не забудет той смелости, бескомпромиссного ведения определенной линии, с которой выступала вся редколлегия журнала".

Ефим Дорош

Иван Федосеевич уходит на пенсию ДЕРЕВЕНСКИЙ ДНЕВНИК

...Мы принимаемся рассуждать о том, что в отношениях значительного числа граждан с церковью есть некая неестественность, словно это не один из реальных фактов современности, как бы к нему не относились, а нечто, существующее вне того мира, в каком мы живем, у одних вызывающее снисходительную усмешку, у других — ощущение неудобства, у третьих — любопытство.

Вот и сейчас, поднявшись в церковь, мы почувствовали себя здесь посторонними, чужими людьми — более далекими всему происходящему, нежели магометане или буддисты, по замечанию Николая Семеновича, словно все эти женщины в платочках, подходившие к кресту, после чего они шли домой попутно крестясь на иконы, а к иконам и прикладываясь, — словно все они, в большинстве своем наши ровесницы, пожилые крестьянки, были существами с иной планеты, тогда как у них дома или в поле между нами сразу же установились бы естественность и простота.

И еще есть неловкость в том, что от нас, возможно, опасаются услышать насмешку, что со стороны мы представляемся высокомерно поглядывающими на заблуждающихся невежд; наконец, что в церковь каждый приходит с чем-то личным, иной — с горем, а нам все это как бы театр.

Неестественность в отношениях между церковью и некоторой частью общества, быть может, вызвана еще и тем, что атеизм многих наших граждан, в том числе и коммунистов, можно бы назвать стихийным, бессознательным, бытовая вера, то есть религиозность по привычке. Эти люди просто душно убеждены, будто источником и распространителем религии являются так называемые предметы культа и церковный ритуал — кресты, иконы, колокольный звон, песнопения, — в чем по существу не отличаются от богомольных старушек, искренне верящих в святость у чудотворную силу всего этого. И если такого рода атеист занимает руководящую должность, он сочтет необходи-

мым — только бы ему позволили — вверенном ему районе церкви упразднить, не подозревая, что он является, в сущности, последователем г-на Дюринга о котором, как известно, Энгельс писал, что тот "натравливает своих жандармов будущего на религию и помогает ей, таким образом, увенчать себя ореолом мученичества и тем самым продлить свое существование".

Я вспоминаю, как Алексей Петрович, бывший секретарь Райгородского райкома партии, человек трезвого образа мыслей и самостоятельный в поступках, не обстоятельствам своей жизни весьма близкий к тому, чтобы понять любую набожную вдову, находящую в религии одновременно и утешение, и единственное удовлетворение духовных потребностей, рассказал мне однажды о некоем казусе, случившемся в районе, где он был тогда секретарем.

Как-то ему стало известно, рассказал Алексей Петрович, что священник одной сельской церкви решил завести колокольный звон, чего давно уже у них в районе не бывало, организовал сбор средств и даже купил колокол, и тогда, вызвав председателя тамошнего сельсовета, Алексей Петрович распорядился, пускай тот как знает, но только без каких-либо запрещений, а никакого звона чтобы в селе не было.

Председатель сельсовета, купив два поллитра, зазвал попа в гости и, после того как водка была выпита, стал ему выговаривать, что, де, всегда считал его человеком, а он звон что выкинул — звон ему понадобился, на что поп, крестясь, отвечал, что у него и в мыслях не было ничего такого, и если председателю от этого неприятности, так хрен с ним, со звоном, без колоколов обходились, и велел послать еще за поллитром.

Анекдотический этот случай, мне думается, говорит не только о своеобразной крестобоязни, имеющей распространение среди известной части районных работников, но еще и побуждает задуматься над тем, как по-житейски, что называется, в своем обиходе, поладили председатель сельсовета с попом, а это в свою очередь наводит на мысль о том, что церковь занимает еще место в жизни некоторой части народа.

Ведь все эти женщины, старые и пожилые, осиротевшие матери и рано овдовевшие жены, на какой-нибудь час или два отвлекшиеся от будничных забот и семейных дряг, исполненные сейчас покоя и благодати, мирно беседующие, по две и по три неторопливо сходя по деревянным крашеным ступеням за-

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ХРАМА В КИЛЬМЕСЕ

12/25 мая с. г. — Престольный праздник Храма во имя Святителя Ермогена, Патриарха Московского, в Русском поселке гор. Кильмес.

Божественную Литургию совершит Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнейший Архиепископ Афанасий. Начало богослужения в 10 часов.

Настоятель храма и Церковно-Приходский Совет приглашает всех православных людей на общую молитву.

† 26-го мая с. г. в СОРОКОВОЙ день кончины
АНДРЕЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА МАМОНТОВА

в храме Св. Преп. Сергия Радонежского в 20 час. будет отслужена
ПАНИХИДА,

о чем извещает семья покойного.

† Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии в Аргентине извещает, что 25-го сего апреля скончался член правления Союза
РОТМИСТР 15-го ГУСАРСКОГО УКРАИНСКОГО Е. И. В. ВЕЛИКОЙ
КНЯГИНИ КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПОЛКА
АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ ПЕТРАШЕВИЧ

стланной половиком лестницы, — разве они не народ!

Мне думается, если бы, не боясь оскоромиться, простодушные наши иконоборцы заглядывали иногда в церковь, особенно сельскую, они поняли бы, во-первых, что в Божьем храме, где все, казалось бы, свяшенно, торжественно, значительно больше обжитости, домашности, чем в ином сельском клубе; во-вторых, что из всех общественных зданий в округе — при множестве наличествующих здесь бытовых подробностей, связывающих церковь с деревенским домом, хозяйка которого и опрятна и рукодельница, — это если не самое большое, то самое монументальное здание, красиво и у места поставленное, хорошей архитектуры, художественно украшенное.

Вот и в этой церкви на паперти специально стоит узкий стол, за который обычно присаживаются после обеда пожевать хлеба прибрешные издали старухи и на котором теперь лежат смятые, пахнущие младенцем простынки и одеяла, вдоль стен на полу пристроены всякого рода сумки, бидончики, аккуратно сложены плащи и жакетки, а самый храм убран вышитыми полотенцами, кружевными подзорами на одних иконах и бумажными розанами на других, лентами свисающими с лампад...

Все это придает церкви сходство с прибранной к празднику избой — сложенная на паперти одежда и поставленные рядом сумки напоминают о забывшей ненадолго соседке, разувшейся у порога, — и вместе с тем что-то городское, даже столичное есть в белом двухцветном зале трапезной и в соединенном с нею посредством арки собственно храме.

Там, за аркой, стены как бы покрыты сплошь многоцветным ковром, образовавшимся из яркой, слащавой, в "итальянском" вкусе росписи и темноватых икон, сквозящих киноварью и охрой сквозь старую олифу. Эта грубая живо-

пись, слившись, на расстоянии выглядит эффектно.

Несколько театрально, косыми дымчатыми столбами падает сверху, из высоких окон, солнечный свет. Сияет огнями старинное посеребренное паникадило. Поблескивает дерево ампириного иконостаса.

Тем временем церковь пустеет. Только в трапезной чуть сгорбленный в жесткой своей ризе старый поп совершает обряд крещения и, ожидая очереди, тешится старухи вокруг купели с орущими детьми.

Вся в черном, прямая, ходит от иконы к иконе и от подсвечника к подсвечнику старостиха, крестится, гасит свечи, испуганно спрашивает, не нужна ли она нам, и когда мы говорим, что нет, идет прочь.

Одна из старух говорит: "На город-то не кстят!", объясняя этим наше здесь присутствие, и хотя такого рода любопытство, если судить по ее приветливому тону, она извиняет, быть может, даже находит лестным, нам все же представляется, что нас принимают за соглядатаев, пришедших высмотреть наготу земли сей, и мы поспешно уходим.

Николай Семенович замечает, что не берется судить, как обстоит в больших городах, а у них из всех так называемых христианских таинств по преимуществу соблюдается таинство крещения — мало кто считает нужным венчаться, но детей, бывает, и комсомольцы крестят.

Я рассказываю, что недавно прочитал, как еще в двенадцатом веке, то есть уже двести лет спустя после принятия Русью христианства, церкви приходилось ценить, если родители решились крестить новорожденного; один из епископов, объясняя, что "нетуть в том греха", рекомендовал попам, дабы не упустить случая, бросить службу и идти крестить.

Конечно, за восемьсот лет можно было привыкнуть, однако, считает Сергей Сергеевич, не только обычаем вызвано то,

и отпевают покойников, часто заочно, но еще и смутным беспокойством — "а вдруг там что-то есть!", так как именно с этими обрядами связывается представление о душе и загробной жизни.

Пускай неосознанно, но человек продолжает страшиться бездны, и хотя он едва ли верит в потусторонний мир, однако не отваживается признаться, что со смертью образуется пустота, почему и держится привычных обрядов, оставляющих если не надежду, то успокоительную возможность не думать, закрыть глаза и не видеть ожидающего впереди зияния.

Я говорю, что это все тот же первобытный страх.

С религией связан еще и страх наказания, говорит Николай Семенович, вообще-то униженный, но не упразднению ли самого понятия "грех" в какой-то мере обязаны мы существованием людей, считающих, что все позволено!

Я возражаю на это, что религиозность, как мы знаем хотя бы из старой литературы, никогда не останавливала преступника, разве что иные из них после раскаяния ради так называемого спасения души — побуждения по сути своей эгоистического, так как вызвано оно заботой о себе, о собственном душевном спокойствии здесь, на земле.

В церкви, говорю я, ищут утешения, сочувствия.

Мы соглашаемся в том, что в церковь ходят не из одной только издавна укоренившейся привычки или ради доступного каждому развлечения, но еще и потому, что немалому числу людей она и сегодня дает иллюзию счастья, о которой писал Маркс. Маркс называл религию вздохом угнетения твари, и хотя Октябрьская революция отменила угнетение человека человеком, но болезнь, семейные неурядицы, одиночество, бытовое неустройство и даже обыкновен-

ная скука тоже ведь гнетут, вызывают потребность облегченно вздохнуть, утешиться иллюзией счастья.

Я рассказываю, что спросил как-то Василия Васильевича, когда тот был у нас секретарем райкома, почему улицы в Райгороде носят названия, ничего общего не имеющие с городом, например, Гоголя, Делегатская, тогда как нет ни одной, которая называлась бы, допустим, именем местного крестьянина-краеоведа, жившего в прошлом столетии, или другого здешнего крестьянина, известного в свое время петербургского огородника-селекционера, на что Василий Васильевич мне ответил, что люди, имеющие власть наименовывать улицы, не знают ни моего краеведа, ни селекционера, а те, кому они известны, таковой властью не обладают.

Мне кажется, продолжаю я развивать свою мысль, что это имеет касательство к сегодняшним нашим наблюдениям, потому что живая народная жизнь состоит из множества подробностей, зачастую противоречивых, и не может быть вписана в схему хозяйственно-политических кампаний, какими по преимуществу успевают заниматься некоторые районные руководители.

Мне вспоминается Наталья Кузьминична, тоже ведь вдова, рано потерявшая мужа, до недавних лет, пока не выросли сыновья, жившая нелегко, все отношения с религией у которой сводятся к тому, что в праздник она зажжет лампадку перед иконой и к Пасхе вымоет избу.

Быть может, говорю я, причина в ее натуре, отзывавшейся на явления жизни с какой-то языческой поэтичностью, и тут же добавляю, что интересны и психологические причины религиозности.

Ефим Дорош

Журнал "Ночный мир", № 1, 1969 г.

● КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН И ПРОПАГАНДА КОММУНИЗМА ЗА РУБЕЖОМ

(КРС) Советский Союз использует культурный обмен для пропаганды идей коммунизма. Но, с другой стороны, члены советских делегаций, организаторы выставок, педагоги, сами знакомятся с жизнью в других странах, могут делать сравнения и могут даже проникнуться "чужими" идеями. Представители из-за рубежа своими глазами видят быт и жизнь советских людей и могут сравнить жизнь в Советском Союзе с жизнью в свободных странах.

В развивающихся странах люди знакомятся одновременно с идеями, которые там распространяют представители Советского Союза и с идеями демократических западных стран. Сомнительно, что сравнение этих идей людьми из развивающихся стран будут в пользу описания советского образа жизни представителями-коммунистами.

Очевидно советские руководители не совсем уверены в притягательности своей идеологии и пропаганды советского образа жизни. Так в "Советской России" (11.3.69) в передовой статье "Революционная бдительность", высказываются большие опасения, что культурные связи и туризм могут импортировать в страну и другую, "чуждую" идеологию, против которой, видимо, далеко не все советские граждане имеют иммунитет.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 46

Печатается без ведома
и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

И пересекая Черное море на пароходе, он несколько не боялся морской глубины. А боялся ли он высоты — нельзя сказать, потому что не был он так пуштоголов, чтобы лазить на горы или скалы, а по роду своей работы не монтировал мостов.

Род работы Русанова в течение уже многих лет, едва ли не двадцати, был — анкетное хозяйство. Должность эта всегда одна. Только неучи, да несведущие посторонние люди не знают, какая это ажурная тонкая работа, сколько она требует таланта. Это — поэзия, до которой до сих пор еще не добрались поэты. Каждый человек на жизненном пути заполняет немалое число анкет, и в каждой анкете — известное число вопросов. Ответ одного человека на один вопрос одной анкеты — это уже ниточка, навсегда протянувшаяся от человека в местный центр анкетного хозяйства. От каждого человека протянуты таким образом сотни ниточек, а всего их сходятся миллионы, и если б ниточки эти стали видны, то все небо мы видели бы в паутине, а если б они стали материально-упруги, то и автобусы, и трамваи, и сами люди потеряли бы возможность двигаться, и ветер не мог бы вдоль улицы пронести клочки газеты или осенних листьев. Но они невидимы, и не материальны, а однако чувствуются человеком постоянно. Дело в том, что так называемые кристальные анкеты — это как абсолютная истина, как идеал, они почти не достижимы. На каждого живого человека всегда можно записать что-нибудь отрицательное или подозрительное, каждый человек в чем-нибудь виноват или что-нибудь утаивает, если разобраться дотошно.

Из этого постоянного ощущения незримых ниточек естественно рождается у людей и уважение к тем лицам, кто ведет это сложнейшее анкетное хозяйство. Пользуясь еще одним сравнением, уже музыкальным, Русанов, благодаря своему положению, обладал как бы набором дощечек ксилофона и мог по выбору, по желанию, по соображениям необходимости ударять по любой из дощечек. Хотя все они были равно деревянными, но голос был у каждой свой.

Были дощечки, то есть приемы, самого нежного осторожного действия. Например, желая какому-нибудь товарищу передать, что он им недоволен, или просто предупредить, немного поставить на место, Русанов умел особыми ладами здороваться.

Когда тот человек здоровался (разумеется первый), Павел Николаевич мог ответить деловито, но не улыбнуться; а мог, сдвинув брови в сторону (это он отрабатывал в рабочем кабинете перед зеркалом) чуть-чуть замедлить ответ — как будто он сомневался, надо ли, собственно, с этим человеком здороваться,

достойн ли тот — и уже после этого поздороваться (опять же: или с полным поворотом головы, или с неполным, или вовсе не поворачивая). Такая маленькая задержка всегда имеет, однако, значительный эффект. В голове работника, который был приветствован с такой заминкой или холодком, начинались деятельные поиски тех грехов, в которых этот работник мог быть виноват. И, поселив сомнения, заминка удерживала его, может быть, от неверного поступка, на грани которого работник уже был, но Павел Николаевич лишь с опозданием получил бы об этом сведения.

Более эффективным средством было, встретив человека (или позвонив ему по телефону, или даже специально вызвав его), сказать ему: "Зайдите, пожалуйста, ко мне завтра в десять утра". — "А сейчас нельзя?" — обязательно спросит человек, потому что ему хочется скорее выяснить, зачем его вызывают, и скорее исчерпать разговор. — "Нет, сейчас нельзя", мягко, но строго скажет Русанов. Он не скажет, что занят другим делом или идет на совещание, нет, он ни за что не даст ясной простой причины, чтобы успокоить вызванного (в том-то и состоит прием), он так и будет говорить это "сейчас нельзя", чтобы сюда поместилось много серьезных значений — и не все из них благоприятные. — "А по какому вопросу?" — может быть, осмелится спросить или по крайней мере попытается спросит работник. — "Завтра и узнаете" — бархатисто обойдет этот нетактичный вопрос Павел Николаевич. Но до десяти часов завтрашнего дня сколько времени! Сколько событий! Работнику надо еще кончить рабочий день, ехать домой, разговаривать с семьей, может быть идти в кино или на родительское собрание в школу, и еще потом спать (кто заснет, а кто и нет), и еще потом утром давиться завтраком — и все время будет сверлить и грызть работника этот вопрос: "А зачем он меня вызывает?" За эти долгие часы работник во многом раскисает, во многом опасается и даст себе зарок не заходить на собрания начальство. А уж когда он придет — может и дела никакого не скажется, надо проверить дату рождения или номер диплома.

Так, подобно дощечкам ксилофона, способы нарастали по своему деревянному голосу и наконец самым сухим и резким было: "Сергей Сергеевич (это — директор всего предприятия, местный Хозяин) просил вас к такому-то числу заполнить вот эту анкету". И работнику протягивалась анкета — но не просто анкета, а из всех анкет и форм, хранящихся в шкафу Русанова, самая полная и самая неприятная — ну, например, та, которая для засекречивания. Работник-то, может быть, совсем и не засекречивался, и Сергей Сергеевич все о том не знает, но кто ж пойдет проверять, когда Сергея Сергеевича самого бояться как огня? — Работник берет анкеты и еще делает бодрый вид, а на самом деле, если что-нибудь он только скрывал от анкетного центра — уже все внутри у него скребет. Потому что в этой анкете ничего не укрыть. Это — отличная анкета. Это — лучшая из анкет.

(Продолжение следует)

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

„ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ“

В древней Греции тоже были пожилые, бесформенные женщины и мужчины на тонких ножках, с большими дряблыми животами. Но древнегреческие ваятели обманули нас. Они ваяли в мраморе мужчин и женщин юных и стройных, как боги. В результате мы знаем, каково было представление древних греков о красоте, но не знаем, каковы же были греки и гречанки на самом деле.

**

Абстрактное искусство в живописи, в поэзии, в скульптуре, даже в театре. Расщепление формы.

Унылый натурализм, который несправедливо сравнивают с фотографией, ибо современная фотография может быть очень даже художественной и даже... абстрактной. Унылый натурализм — окаменелость, окостенелость, мерзлота.

Но в том-то и дело, что в природе существуют две критические точки, на которых кончается жизнь: точка замерзания и точка кипения, когда предмет либо окаменеет, либо испаряется. теряя форму.

Мне кажется, что и в искусстве есть эти критические точки, эти полюсы, спорящие между собой, а между тем в чем-то очень сходящиеся. В том именно, что ни в той, ни в другой точке жизни нет: в одном случае она заморожена, в другом — кипит и пар.

Истинная, теплая, полнокровная живая жизнь находится не в точке замерзания и не в точке кипения, но где-то посередине шкалы.

**

Некоторые критики вдруг обрушиваются на какую-нибудь книгу, говоря, что она, книга, искажает действительность.

Но, может быть, книга искажает не действительность, а то представление о действительности, которое у критиков существует и с которым они боятся расстаться?

**

Вчера мы катались с горы на лыжах. Гора была длинная, ровная, плавная. Кататься с нее было одно удовольствие.

Вдруг мой товарищ говорит:
— Всем хороша гора, но очень уж равна. Не хватает хотя бы маленькой ухабинки.

Ах, как не хватает нам ухабинки в наших повестях и романах!

**

Сильное чувство: любовь к женщине, любовь к отчизне, восторг перед творением природы — тоже можно сообщить другим. Но для этого нет иного способа, кроме искусства.

**

Всякое искусство — и об этом очень хорошо знают актеры на сцене, ибо у них это проявляется нагляднее и резче — есть диалог между художником и публикой.

Грубее всего, но зато и точнее всего, можно сравнить всякое искусство с игрой в теннис, где хорошая, красивая игра зависит от обеих сторон. Ибо, если игрок будет делать хорошие посылки мяча, но в ответ не будет получать хороших обратных подач, то никакой игры вообще не получится.

**

Два интеллигента спорили, какой бывает снег. Один говорил, что бывает и синий. Другой доказывал, что синий снег — это чепуха, выдумка импрессионистов, декадентов, что снег и есть снег, белый, как... снег.

В этом же доме жил Репин. Пошли к нему разрешить спор. Репин не любил, когда его отрывают от работы. Он сердито крикнул:

— Ну, чего вам?
— Какой бывает снег?
— Только не белый! — и захлопнул дверь.

**

Научимся делать все синтетическое: хлеб, ткани, мясо, овощи, даже зелень. Из нефти, из каменного угля. Но и

ФОНД ПОМОЩИ нуждающимся русским в Аргентине Кассовый Отчет за 1968 год в арг. песо

ПРИХОД:

Собрано в Аргентине — 227.095, получено из-за границы — 715.288, пособия в распоряжение Фонда Помощи — 228.005. Всего прихода: 1.170.338. Остаток в кассе на 1-е января 1969 г. — 35.617.

РАСХОД:

Возвращено в кассу — перерасход за 1967 г. — 4.244, единовременная помощь (57 случаев) — 276.140, постоянная помощь (29 семей с 19-ю детьми, 50 чел. в Очаге Виамонте, 9 чел. прокаженных) — 807.200, лекарства (62 выдачи) — 37.955, поездки учащимся и старикам — 5.732, административные расходы — 3.500. Всего расхода: 1.134.771.

А. А. Кушинников

Председатель Фонда Помощи

П. А. Мещерский

Председатель Ревизионной Комиссии

Буэнос Айрес, 15 января 1969 г.

нефть, и каменный уголь рано или поздно кончатся. Даже если превращать в хлеб гранит, то и гранит весь будет съеден.

Я хочу сказать, что это есть расхищение земли в чистом виде, расхищение без отдачи, без вознаграждения.

В то время как выращивание хлеба, винограда, деревьев, льна, хлопка не расходует землю, не обедняет ее, но обогащает, год от году прибавляет к ней. Потому что при этом солнечная энергия превращается в органические вещества.

**

Один Пушкин, как бы он ни был велик, еще не эпоха. Чтобы получилась эпоха, нужны Грибоедов и Крылов, Тютчев и Баратынский, Батюшков и Денис Давыдов, Гоголь и Жуковский, Карамзин и Гончаров...

**

Не положительные и отрицательные заряды, не протоны и нейтроны должны быть предметом искусства, но положительное и отрицательное в душе человека, то, что выражено извечными словами — Добро и Зло.

**

Самобытность любит отождествлять с элементарной непосредственностью, с полной нетронутостью цивилизацией.

Но дикарь не самобытен. Он просто дикарь. Самобытен человек, познавший все и при всем том сохранивший черты индивидуальности.

**

Двадцатый век. Самое удивительное не то, что люди летают, не то, что они скоро долетят до Луны, не то, что они расщепили атом.

Самое удивительное то, что на Земле продолжают рождаться дети.

**ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН
НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕМ
НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!**

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52-7426

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Finalmente, se decía que, si el pueblo ruso no tomaba parte en la solución del problema ruso, la guerra contra la Unión Soviética terminaría en una catástrofe para Alemania, a pesar de todos sus éxitos militares.

Para emplear la palabra "catástrofe", en un documento oficial entregado a una repartición de Berlín en aquella época de embriaguez de victorias y de sueños sobre la partición del mundo, hace falta, más que sagacidad, valor cívico; puesto que solamente los ciegos no veían a dónde conduciría la guerra en el Este, si Alemania contaba, exclusivamente con la fuerza de sus armas.

(Continuará)

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A. Один квартал от подземной жел. дор. Río de Janeiro по улице Corrientes.

КНИГА-ПОЧТОЙ

Н. Соколов

УБИЙСТВО

ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

352 стр., 144 фотографии.

Цена — 8 долларов.

И. Сургучев — Детство Императора Николая II — 2,00 дол., Н. Павлов — Его Величество Государь Император Николай II. Париж 1927 г. — 3,00 дол., Н. Григорьев — Как Ленин, Свердлов, Голощекин и Юровский "спасали" Царскую Семью? (Тайный смысл аферы Голеневского) — 0,30 доллара.

M. Tamarzeff — C. Correo No. 4 Villa Ballester — Prov. Bs. Aires Argentina

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ

(говорит по-русски)

Специальное лечение корней зубов.

Бор-машина Ultrasonico.

Искусственные зубы.

Рентгеновские снимки.

Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605

(Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ

Abogado y Ex-Juez de Tribunal
de Yugoslavia

TRADUCTOR PUBLICO

Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков

М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.

LAVALLE 1570, p. 4

T. E. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ РУССКОГО ТЕАТРА

ОДРТ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22-го ИЮНЯ 1969 г.

В 16.30 ЧАСОВ

в помещении

CASAL CATALUÑA (Chacabuco 863)

будет поставлена

ВЕСЕЛАЯ КОМЕДИЯ В 4-х АКТАХ

„ВЕРНОЕ ДЕЛО“

М. П. ДРЕВИНГ

Постановка режиссера М. Е. МОДЕСТА

Участвуют: г-жи В. И. ОСТРОВСКАЯ, М. С. ПОКРОВСКАЯ, Д. С. ЭННОК,
Е. А. ЮХНЕВИЧ и г-да В. А. ВАСИН, В. ИВАНОВ, М. Е. МОДЕСТ,
В. Б. ОСТРОВСКИЙ, Ю. Н. ФИЛИЧЕВ, М. П. ЧУРИЛОВ.

Ассистент режиссера — М. П. ЧУРИЛОВ

Предварительная продажа билетов по телефонам: 772-6848, 52-7626, 740-9218.

В СУББОТУ 7-го ИЮНЯ 1969 г. В 21 ЧАС

YACHT CLUB OLIVOS, Alberdi 415, Olivos

ЮБИЛЕЙНЫЙ БАЛ О.Р.Ю.Р.

• 2 ОРКЕСТРА

• ОБИЛЬНЫЙ БУФЕТ

• ЛОТЕРЕЯ

• НЕОЖИДАННОСТИ

Бальные или вечерние туалеты обязательны!

ВХОД — 500 песо. Лучшие столики на 8-10 человек — 2000 песо,
на 4-6 человек — 1000 песо.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОДАЖА БИЛЕТОВ И ЗАКАЗЫ НА СТОЛИКИ
ПО ТЕЛЕФОНАМ: 44-2061 — А. В. Баумгартен
44-6353 — И. Н. Шмитов
32-0473 — А. В. Баумгартен

По субботам от 9 до 20 часов в помещении О.Р.Ю.Р.:

CALLE BUENOS AIRES 2655, OLIVOS